

Депутатъ отъ Россіи.

Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой.

Глава XVI ¹⁾.

Четвертое пугало войны.

Поддержка, оказанная Англіей Японіи, наканунѣ ея войны съ Россіей, была, конечно, весьма непріятна Ольгѣ Алексѣевнѣ. Она, однако, мало писала объ этомъ, но 13-го января 1904 г. на просьбу издателя Дели-Мейль, она послала въ эту газету: „Права ли Россія?“ Это не была попытка рѣшить: кто правъ, кто виноватъ въ этой борьбѣ. Г-жа Новикова указала лишь на нѣкоторыя причины, которыя могли бы заставить англичанъ одуматься во-время. Она не скрывала своего негодованія на такую близорукость.

„Много лѣтъ я старалась доказать пользу соглашенія Россіи съ Англіей,—пишетъ она. Думалось мнѣ, что краснорѣчіе фактовъ побѣдитъ. Но Англія, пренебрегая Россіей, пошла на союзъ съ Японіей. Подлинно: „у всякаго свой вкусъ“.

Авторъ отрицаетъ желаніе Россіи завладѣть Манчжуріей, но та обладаетъ желѣзнымъ путемъ, который даетъ Россіи выходъ въ море. Вопросъ серьезный.

Г-жа Новикова, въ этомъ спорѣ, выказала большую сдержанность.

„Японія—главный соперникъ, а не союзникъ Англіи въ Китаѣ.

„Какъ можно этого не знать. Что изъ этого выйдетъ?

Допустимъ, что союзъ двухъ желтыхъ расъ состоится въ

¹⁾ См. „Русская Старина“, февраль 1915 г.

ущербъ и Англіи и Россіи. Развѣ отъ такой соединенной силы можетъ выиграть весь европейскій міръ?

Г-жа Новикова получила много благодарственныхъ писемъ за эту статью отъ выдающихся англичанъ, какъ сэръ Генри Кампбель, Баннерманъ и другихъ. Онъ писалъ 16-го января: „Большое доставило намъ удовольствіе извѣстіе отъ Васъ, Вы очень добры, что написали“.

„Ваше письмо въ Дели-Мейль очень полезно, въ особенности появленіе его въ такой демократической газетѣ. Мнѣ говорилъ одинъ пріятель о разговорѣ своемъ, касательно положенія, съ выдающимся европейскимъ финансистомъ, на всѣ вопросы и замѣчанія моего друга отвѣтъ былъ одинъ: „Войны не будетъ“. Будемъ надѣяться.

Несмотря на оптимизмъ европейскаго финансиста, японцы начали войну, напавъ, безъ предваренія, на русскій флотъ.

Цѣлый годъ, говоритъ Стэдъ, печальна была жизнь для русскихъ патріотовъ, и г-жа Новикова молчала.

Но она постоянно была насторожѣ, чтобъ не пропустить случая войти въ свою роль миротворца между ея страной и нашей.

Я говорилъ, продолжаетъ Стэдъ, о четырехъ случаяхъ ея дѣятельности, по которымъ Россія и Англія могли быть вовлечены въ войну. Первый—по поводу польскаго вопроса, гдѣ она, несмотря на свою молодость, боролась съ англійскимъ посломъ лордомъ Непиромъ, второй—когда Биконсфильдъ грозилъ войной Россіи въ 1876 и опять въ 1878 г., въ связи съ восточнымъ вопросомъ, третій—въ 1885 г., когда Гладстонъ угрожалъ войной изъ-за Афганской границы. Во всѣхъ трехъ случаяхъ Ольга Алексѣевна принимала сердечное участіе, а въ 1876—78 гг. она играла совсѣмъ выдающуюся роль въ Англіи. Четвертое столкновеніе, могущее грозить войной, случилось въ ноябрѣ 1904 г., когда Гульскіе рыбацкіе суда были приняты за Японскіе миноносцы нѣкоторыми капитанами эскадры Рождественскаго и были обстрѣлены и потоплены въ Dogger-Bank.

Четвертый случай былъ острый, но краткій, однако острый дотого, что если бъ осуществились совѣты печати, русскій флотъ былъ бы потопленъ, не дойдя до Бискайской бухты. Не однѣ газеты потеряли голову, требуя такихъ дѣйствій, однимъ изъ результатовъ которыхъ отдано было бы мало-по-малу владычество Германіи надъ материкомъ.

Гульскій инцидентъ произошелъ такъ: въ ночь съ пятницы на субботу съ 21—22 октября русская Балтійская эскадра, по

пути на Дальній Востокъ, прошла мимо пятидесяти траллеровъ, рыбачьихъ судовъ, съ командой въ 500 человекъ, мирно ловившихъ рыбу на Degger-Bank.

Первая дивизія прошла вблизи отъ траллеровъ, не обративъ на нихъ вниманія, вторая дивизія, состоящая изъ четырехъ броненосцевъ, освѣтила прожекторами рыбачьи суда.

По словамъ шкипера, рыбакамъ показалось, что миноносцы идутъ на нихъ, и они поспѣшили уйти. А русскимъ показалось напротивъ, что рыбачьи суда принадлежали японцамъ, вслѣдствіе чего они открыли огонь на спасающихся лодочниковъ.

Русскіе сдѣлали триста выстрѣловъ, убиты были два рыбака и шесть ранены всѣ на томъ же траллерѣ крѣнь. Другихъ несчастій не было, потопивъ его, русская эскадра поплыла на югъ.

Объ этомъ событіи, со всѣми его запутанными подробностями, полетѣли телеграммы во всѣ редакціи Лондонскихъ газетъ. Въ воскресенье 23-го октября, дѣло было сдано въ слѣдственную комиссію, засѣдающую въ Парижѣ. Въ заключеніе было доказано, что столкновение произошло по недоразумѣнію, за которое русскіе согласились не только извиниться, но и щедро заплатить.

Ошибка произошла вслѣдствіе того, что русскіе, проученные Японіей, думали, что снова имѣютъ врага, не признающаго никакихъ обязательствъ войны цивилизованныхъ народовъ, и на этотъ разъ не желали вновь быть взятыми врасплохъ. Ихъ нервность была вполне естественна.

Цѣлую недѣлю сыпались обвиненія на Россію и русскихъ; всѣ газеты, какъ бы сговорясь, винили русское правительство въ нежеланіи признать необходимость извиненій и вознагражденій.

Не было слова правды въ этихъ увѣреніяхъ, но повторяемая со всѣхъ сторонъ, они привели страну въ воинственное возбужденіе. Наконецъ, чтобъ прекратить эту неурядицу, премьеръ лордъ Лансдаунъ обнародовалъ въ концѣ недѣли слѣдующее объявленіе:

1. Четыре просьбы англійскаго правительства охотно удовлетворены царемъ.

2. Какъ только катастрофа стала извѣстна въ Петербургѣ, немедленно русское правительство выразило глубокое сожалѣніе, обѣщало полное вознагражденіе, даже вначалѣ хотѣло, чтобъ виновные въ ошибкѣ были наказаны.

3. Справедливость требуетъ сказать, что русское правительство ни минуты не отрицало серьезности поступка и не замалчивало его.

4. Премьеръ и его коллеги категорично заявили, что какъ они, такъ и русское правительство дѣлаютъ все для умиротворенія государствъ. Эти категорическія и рѣшительныя заявленія вырвали съ корнемъ всю ложь и клевету, которыми печать стремилась вовлечь въ войну двѣ Имперіи.

Послѣ заявленій Бальфура, остатки бури были еще замѣтны. Г-жа Новикова, вѣрная себѣ, воздерживалась говорить до тѣхъ поръ, пока не пришло время, когда слова ея могли подѣйствовать.

Случай представился, и въ интервью и въ письмѣ въ Вестминстерскую газету она во-время заговорила. Англичанинъ спросилъ: что она думаетъ объ Англіи „особенно послѣ нашего недавняго безумнаго припадка“.

„Я гостья“, отвѣчала г-жа Новикова, „и пользуюсь гостепріимствомъ вашей страны, не мнѣ судить о поступкахъ моего домохозяина. Англичане всегда были очень добры ко мнѣ, а когда не имѣешь ничего лестнаго сказать—лучше молчать“.

„Nil nisi bonum, хорошее правило, но все ли Nil и нѣтъ bonum въ этомъ случаѣ“?

„Несомнѣнно есть.—Лордъ Лансдаунъ отнесся очень хорошо“ отвѣчала Ольга Алексѣевна, „я рада, что въ вашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ есть сановникъ, дѣйствующій самостоятельно, не поддаваясь передрыгамъ вашихъ газетъ“.

„Не могли ли бы вы, теперь, благо инцидентъ уже исчерпанъ, объяснить русскую точку зрѣнія“.

„Она очень проста“, сказала г-жа Новикова, „имѣйте въ виду, что русскіе еще съ ума не сошли и что наши адмиралы и морскіе офицеры не преступники. Какъ могли англичане имъ приписывать поступки, которые могли бы объясниться преступнымъ безуміемъ“.

„Nuncupum est egare“ и русскіе не такъ высококомѣрны, чтобъ не допускать въ себѣ свойства, присущаго всѣмъ смертнымъ.

„Да, но, г-жа Новикова, вы забываете, вѣдь пролита была британская кровь“.

„Наоборотъ“, отвѣчала она, улыбаясь, именно потому, что мы такъ легко можемъ поставить себя на вашемъ мѣстѣ, мы такъ искренно вамъ сочувствуемъ. Не такъ давно, въ Китаѣ, русская кровь была пролита почти въ томъ же размѣрѣ, какъ на Dogger - Bank; два человѣка убиты и нѣсколько ранены англійскими пулями, благодаря ошибкѣ, но мы не приняли это за международное оскорбленіе и не возбуждали къ англичанамъ дурныхъ чувствъ въ народѣ“.

Объ этомъ случаѣ г-жа Новикова написала письмо въ Вестминстерскую газету 16-го ноября.

Характерно, говорить Стэдъ, бѣшенство того времени, хотя письмо было перепечатано за границей, ни одна англійская газета не удостоила его вниманіемъ, несмотря на то, что такое разъясненіе было крайне необходимо. Вотъ письмо:

„Знаменательная параллель“.

„Издателю Вестминстерской газеты“.

„Милостивый Государь, позвольте привлечь ваше вниманіе на случай, повидимому забытый въ Англии, но который, надѣюсь, вы найдете интереснымъ“.

„Я говорю о 1900 годѣ, когда соединенныя сухопутныя войска были посланы по желѣзной дорогѣ изъ Тянь-Цзина въ Пекинъ, для охраны европейцевъ отъ боксеровъ“.

„Около полуночи, 17-го іюня, отрядъ нашихъ матросовъ возвращался пѣшкомъ съ работъ. Англійскіе матросы, ѣхавшіе по близъ лежащей желѣзной дорогѣ, увидавъ движущіяся фигуры, приняли ихъ за боксеровъ и стали стрѣлять. Ошибка вскорѣ обнаружилась, и стрѣльба была прекращена, но вредъ уже былъ нанесенъ. Два матроса, Шадринъ съ „Наварина“ и Иліаковъ съ „Корнилова“ были убиты, нѣсколько другихъ ранены. Англійскій вице-адмиралъ Сеймуръ, главнокомандующій соединенными силами, поспѣшилъ послать Чагину, начальнику пострадавшихъ людей, официальное письмо съ извиненіемъ и сожалѣніемъ“.

„Этотъ важный документъ, который я привожу, былъ напечатанъ (въ № 127) Кронштадтскаго Вѣстника. Вотъ его подлинный текстъ“:

„Милостивый Государь,—имѣю честь вамъ сообщить, что я сейчасъ получилъ извѣстіе о несчастномъ случаѣ, происшедшемъ вчера ночью; нѣсколько русскихъ моряковъ убиты нашими. Спѣшу выразить вамъ мои величайшія сожалѣнія, а также британскихъ силъ, подъ моей командой, о событіи, которое нельзя достаточно оплакивать, имѣю честь быть, Милостивый Государь,

Вашъ покорный слуга

Вице-адмиралъ Сеймуръ“.

„Подлинныя ли это слова адмирала по-англійски, я сказать не могу. Перевожу ихъ съ русской статьи, напечатанной въ названной газетѣ“.

„Капитанъ Чагинъ донесъ о событіи адмиралу Гильдебранду, начальнику Русской Тихоокеанской эскадры. Онъ, конечно, былъ огорченъ этимъ печальнымъ извѣстіемъ, но, какъ опытный морякъ, понялъ, что такая ошибка можетъ произойти, въ особенности ночью. Когда адмиралъ Сеймуръ пріѣхалъ къ нему повторить свои сожалѣнія, русскій адмиралъ принялъ ихъ, вполне довѣряя ихъ искренности“.

„Другихъ послѣдствій это англійское оскорбленіе не имѣло. Не подымалась съ воинственной тревогой русская печать, не гнались съ крикомъ за англійскимъ посломъ, не бранились и не требовали денежнаго вознагражденія“.

„Читая описаніе этого грустнаго событія въ Китаѣ, поражаешься нѣкоторымъ сходствомъ, а также нѣкоторой разницей между случаемъ въ іюнѣ 1900 г.—гдѣ пострадали русскіе, и въ октябрѣ 1904 г.—гдѣ погибли два англичанина. Оба произошли въ ночной темнотѣ, хотя англичане стрѣляли въ русскихъ въ іюньскую свѣтлую ночь, а русскіе въ Dagger-Bank стрѣляли въ сильно туманную октябрьскую ночь. Въ обоихъ случаяхъ двое были убиты и нѣсколько ранены. Но была и разница, какъ я замѣтила. Британскій адмиралъ могъ тотчасъ же представить свои сожалѣнія и извиненія, тогда какъ адмиралъ Рожественскій узналъ о печальномъ событіи 21-го октября въ Сѣверномъ морѣ, на третій день, въ Виго,—что могло имѣть видъ небрежности съ его стороны къ своимъ насущнымъ обязанностямъ. Но русское правительство не требовало никакой компенсации и Англія ихъ не предлагала для семействъ убитыхъ русскихъ матросовъ; въ Россіи царило полное спокойствіе, тогда какъ въ Англіи въ 1904 г. печать оказала по меньшей мѣрѣ плачевный недостатокъ сдержанности и благоразумія“.

„Въ самомъ дѣлѣ не будь государственная постановка дѣла—консерваторовъ лорда Лансдауна и г-на Бальфуръ, большое горе могло бы охватить два христіанскіе народа, именно тѣ націи, интересы которыхъ противоположны войнѣ. вмѣсто войны обѣ наши страны должны признать необходимымъ честный и прочный entente cordiale“.

Вамъ преданная

Ольга Новикова.

4 Brunswick Place
Rugent's Park.

„Да, сказала г-жа Новикова своему интервьюеру, недоразумѣніе къ счастью улажено. Снова надо работать объ умиротвореніи“.

„Это, подлинно, Сизифова работа, но отчаяваться не слѣдуетъ—сказала Ольга Алексѣевна; помните, что инициатива нашего государя, созвать Гаагскую конференцію, дала способъ, по которому одно англо-русское недоразумѣніе удовлетворительно разъяснено. Это хорошее предзнаменованіе въ будущемъ. Быть можетъ такое собраніе или комиссія разсѣетъ множество предубѣжденій, служащихъ опаснымъ орудіемъ для враговъ мира“.

На тему, что въ туманную ночь ничего нѣтъ легче, какъ сдѣлать ошибку, допущенную русскимъ капитаномъ, принявъ рыбацкія лодки за миноносцевъ, г-нъ Ведламъ пишетъ въ Спектеторъ:

„Такая ошибка вовсе не рѣдкость среди самихъ англичанъ. Я ссылаюсь на „Морской ежегодникъ“ за 1901 г. стр. 115,—говоритъ г-нъ Турсфильдъ, извѣстный гражданскій экспертъ по морскимъ дѣламъ“.

„На морскихъ маневрахъ 1900 г. „Минерва“, дѣлая развѣдку на западномъ берегу Ирландіи, попала въ рыбацкія суда въ ночь на 27-е іюля и стрѣляла по своимъ соотечественникамъ. Ея дѣйствія гораздо болѣе предосудительны, чѣмъ ошибка русскаго адмирала въ Dogger-Bank“.

Г-жа Новикова получала въ то время много сочувствующихъ писемъ, говоритъ Стэдъ, изъ нихъ я привожу одно отъ сэра Генри Кампбель Баннерманъ:

23 ноября 1904 г.

„Ваше письмо въ Вестминстерскую газету отмѣнно хорошо, надѣюсь, что оба случая на сушѣ и на морѣ окончатся дружелюбно. Но они совсѣмъ не похожи, первый нерѣдко встрѣчается въ арміи, тогда какъ второй, таинственное нападеніе на постороннихъ зрителей. Признаюсь, я никогда не слыхалъ и не могу себѣ вообразить разумнаго объясненія этому случаю, но повторяю, я надѣюсь, что онъ окончится благополучно и не будетъ имѣть дурныхъ послѣдствій“.

„Жена шлетъ вамъ свой искренній привѣтъ“.

Вѣрьте моей преданности.

Г. Кампбель Баннерманъ.

Сэръ Генри Кампбель Баннерманъ имѣлъ много большихъ достоинствъ, но, какъ всѣ люди, имѣлъ и свои слабости. Онъ не могъ, напримѣръ, себѣ объяснить, какъ могли случиться вышеупомянутыя ошибки. Тѣмъ не менѣе всѣ эти факты вполне достовѣрны.

Е. С. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).